

«Когда придет Батый, что станем делать? –
Шептали старцы. – С головой увяз
Наш бородатый, да в хитоне белом
С Галиции пришедший добрый князь.

Батый же выжег по пути Чернигов.
Менгу-Тимур, племянник, шел вперед.
И, будто на раскрывшуюся книгу,
Глядел и ждал, как дядя подойдет.

И, лишь завидев балахон китайский,
Тотчас же преградил ему пути.
«В сем городе уж холодок льет райский,
Никак нельзя в Кыйув теперь войти».

Ворота заперты. «Готовим приступ».
А Галицкий подумывал, кряхтя:
«Я раньше б на главе тонзуру выстриг,
Чем сдал бы Киев мой полушутя».

И вот мимо знакомой колыбели
Тянулись долго полчища племен,
Переселяться больше не хотели,
Был стольный город ими покорен.

Терпела холода орда нагая,
Бор замело, исчезли табуны,
И средь того витала тень Ногая,
Звезя стрелой иль отблеском струны.

Уже вдали маячили Карпаты,
И Польша открывалась за горой,
А в Сандомире, ужасом объятom,
Всё ждали, когда к ним придет герой.

Пожжен уж Краков, древняя твердыня,
Из Вислы воду невозможно пить,
И смотрит на нее глаз неба синий,
А та его желает утопить.

И Лигницкое пало ополченье,
Был Генрих зол, но не отвел войска.
Пустого Вага мутное теченье
Неслось, и кровью полнилась река.

Тогда Батый, сдержав свои находы,
Подразделил оставшихся в живых.

Одни пошли к венгерскому народу,
Другие на болгар, чтоб выгнать их.

И понял он: здесь окончанье битвы,
И моря нет, его незрима зыбь.
В нем нет ни края, ни прибрежных рытвин,
Ни пены злой, ни даже хищных рыб.

Поспешно и в испуге отступали
Назад монголы с гомоном копыт
Лишь потому, что царство их вначале,
Деленное в себе, не устоит.

КОНЕЦ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Всю жизнь свою он Русь оборонял
От немцев, шведов и Литвы кумирской
И самого Батюга восхищал
В Шехер-Сарае, что стоял неблизко.

«О горше горького татарска честь!» –
Пел летописец Невского владыки,
А тот, чтоб лютую утишить месть,
В Софии оглядел святые лики

Пред тем, как в дни июльской синевы,
Немного укрепив свою дружину,
Рать Биргера разбил среди Невы,
Край западный обнесши мощным тыном.

А после, в Переяслав воротясь,
Узнал, что захватили Псков ливоны.
И тотчас вновь скакал на битву князь
Чудской простор избавить от полона.

Ледовое побоище ему
Теперь казалось сном. И враг побитый
По тонкой кромке уходил во тьму,
Болотистых низин, туманом скрытых.

Он помнил, как литвины Торопец
С налету взяли, и к холмам Валдая,
Чтоб их избить, помчался удалец,
Назад возрядной силой прогоняя.

И помнил он на склоне дней своих
К буртасам время первого похода,

Став данником захватчиков чужих,
Хранил лишь веру своего народа.

В ту пору брат родной его Андрей,
Батяга уязвив, во свейском стане
Укрылся. А покамест в край степей
Шел пленных сонм, чтоб умирать в зиндане.

И Александр расточал казну,
Хотя не всех, но некоторых вернуть бы
За выкуп во родную сторону, –
Так многие им вызволялись судьбы.

Но мертв пожегшик славных городов,
Мертв сын его Сартак. Поди, остыла
Спесь лютая, несомая Ордой,
А с тем окрепла вражеская сила.

Теперь Берку, столь просвещенный хан,
Украсивший роскошно стан татарский,
Дозволил службу в нем для христиан
С основанной епархией Сарской.

И вот к нему князь Невский держит путь,
Как раз тогда, когда понтифик римский
Желает его вынудить примкнуть
К латинской вере, к догме иезуитской.

А нет – на Русь крестовый шлет поход,
Но Александр финские метели,
Что взор слепили, не перенесет,
Они ему изрядно надоели.

Куда уж лучше у Берку сидеть.
Нет, дружелюбнее сосед с Востока,
Чем с Запада. Там – золотая клеть,
А здесь – одно гнездилище порока.

Хан говорит: «Зачем подвластных мне
Якташей вы из Суздаля изгнали?»
Невский в ответ: «Там терема в огне,
И люди в них. Что с ними было б дале?»

Поверь, Берку, твои баскаки нам
Теперь немало причиняют горя.
Источены мы. Что тебе я дам,
Коль сам не по своей вине в разоре?

Смири же ты надменных карачей
И подданных своих заставь не трогать
Народ Христов. Устал я от мечей,
Хочу, чтоб мир входил к нам понемногу».

Тут усмехнулся хан. «Ну что ж, добро.
Впредь не пойду на Русь твою войною.
Будь незаконен всяческий погром,
Коль хочешь заключить союз с Ордою.

Теперь вассалом станешь ты моим,
Иных врагов разить мы будем вместе.
Откуда вновь струит горячий дым,
Откуда поступают злые вести?

Не с Запада ль? Не с польских ли краев?
Коль так, то усмирим мы сообща их».
«Мне нет нужды в чужой ломиться кров,
С тобой соседей избивать нещадно».

«Впреки тебе не стану воевать,
Пускай отряды наши отдыхают.
Уж если сильно истомилась рать,
То не потребна новая война ей».

Князь Александр скорбно промолчал.
Открылись в нем его былые раны.
«С мечом кто к нам ходил, тот от меча
Не станет гибнуть», – думал он у хана.

Он занемог. И весь наступный год
Провел, больной, в капчакском стольном
граде,

Хотел домой, но хан Берку подвод
Всё не давал, держа потехи ради.

Когда ж в болезнях лето истекло,
Рек Александр: «Гибель корстой узкой
Приблизилась уже. Мне тяжело,
Я умирать хочу в пределе русском».

«Что ж, правь домой, – отвечивал Берку
И тотчас же ушкой впреки теченья
Велел пустить. Немому седоку
Не выпадало большего мученья.

До Нижнего воитель плыл с трудом,
И там вернулась мощь к нему на время.
Ступил на брег он. «Всё ж далек мой дом.
Не дотяну, столь непосильно бремя.

Приму я схиму в преставленья час,
В ней Судию узрю, благоговей.
Пускай Господь меня возьмет от вас
Как иеромонаха Алексея».

Верст семьдесят прошли до Городца.
Был Александр плох совсем. «О Боже!
Я чувствую явление конца!»
И дух из тела отлетел без дрожи.

Узнал о том митрополит Кирилл,
Узнали все от Ильмена до Буга.
Великий стон Русь целиком пронзил,
Над мертвым телом плакала супруга.

Владимир стольный принимал его,
Стал Боголюбов ракою охранной.
«Зачем с тобой прервалось торжество?
Почто ушел заступник наш так рано?»

Сорок пять лет! Ведь мог бы жить да жить!
Где ж сыщем повелителя такого?»
И вскоре обрываться стала нить
Как связка единения земного.

ВИДЕНИЯ ДОВМОНТА

Переходя через рубеж Двины,
Он с фохтами тремя глядел чрез берег.
Виднелась роща, навевая сны,
Будто к иной заманивая веру.

Неведома она еще была,
Как город тот, в который правил шаг он,
И на деревьях мягкая смола
Край за спиной уже опустошала.

Плотами переправились они,
Тянулись всё, пока изнеможенье
Не проняло кунига до брони, —
Он пал, лишась возможности движенья.

Тут идолы привиделись ему
Во обмороке, выжжены пожаром.
И с дурнотой он поглядел во тьму,
Где звездный путь просвечивался яро.

И дал обет Довмонт: «Когда придем
Во Плесков мы, узнаю руссов нравы.
Мне чистый и хороший нужен дом,
Изгнанник знает истинное право.

Воспримут эти жители меня.
Сроднюсь я с ними, изменю родному
И буду тверд, когда день ото дня
Являть начну свой братьям жезл весомый.

Пусть убоится днесь меня Миндовг,
Когда сестру его жены себе я
Возьму, и совершу при этом долг,
Ничутьточки пред братом не робея.

На то Давид и Луна говорят:
«Изволь, мы позовем княжну Марию.
Она оставит свой Владимир-град
Ради тебя, коль ее в нем морили».

«Скачите ж во Владимир за княжной,
А я один войду в красивый Плесков».
И разошлись они. Опал дневной
Манил его, как юный лик невесты.

Добрался он до города. Зовет
Священника, чтобы принять крещение,
Тот на заре святой к нему идет:
«Я Лазарь. Соверши же погруженье».

Омыл Довмонт в реке грехи свои,
Дал Лазарь ему имя Тимофея,
А после же, забывши про бои,
Он сел с женой и радовался с нею.

Вслед за Марию пришел и тесть.
Так Дмитрий Александрович промолвил:
«На немцев я поход желаю весть.
Пойдешь и ты, дабы вернуться полным».

И согласился ласковый Довмонт,
И шли они до берега Наровы,